

Павелъ Васильевичъ Жуковскій по поводу его кончины.

Письмо къ П. И. Бартеневу.

Многоуважаемый Петръ Ивановичъ!

Въ „Мюнхенскихъ Новѣйшихъ Извѣстіяхъ“ (Münchener Neueste Nachrichten), газетѣ, насколько мнѣ извѣстно, вообще враждебно относящейся ко всему Русскому, появилась слѣдующая симпатичнѣйшая замѣтка о недавно скончавшемся (13 Августа 1912 года), незабвенномъ, Павлѣ Васильевичѣ Жуковскомъ.

Вотъ съ нея буквальный переводъ.

„Всѣ имѣвшіе счастье быть въ близкихъ отношеніяхъ съ Павломъ Жуковскимъ (очень извѣстнымъ въ Вагнеровскихъ кружкахъ) высоко его ставили“.

„Родившійся въ 1845 году въ Саксенгаузенѣ, онъ былъ сыномъ преносходнаго поэта и переводчика Василія Жуковскаго, воспитателя Императора Александра II, отъ матери Нѣмки (Елисаветы фонъ-Рейтернъ) и по своему художественному и свѣтскому образованію принадлежалъ къ тому многочисленному культурному кружку, объединявшемуся въ послѣднія четыре десятилѣтія прошлаго вѣка вокругъ личностей Листа и Вагнера, Ленбаха, Іоахима и Гейзе, часто имѣвшему своимъ средоточіемъ дворъ Великаго Герцога Веймарскаго Карла-Александра“.

„Благодаря своимъ частымъ перемѣнамъ жительства въ Германіи, Италіи, Франціи и Россіи, молодой художникъ, располагавшій уже значительнымъ запасомъ знаній, могъ развить въ себѣ свой собственный тонкій и вѣрный взглядъ во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни. Если Жуковскій со своими произведеніями рѣдко появлялся передъ широкой публикой, то причина тому была главнымъ образомъ въ томъ, что картины его большей частью раскупались непосредственно въ его мастерской. Большое значеніе для характеристики его, какъ человѣка и художника, имѣется въ томъ, что онъ всегда употреблялъ заработанныя прилежнымъ трудомъ средства на поддержку молодыхъ нуждающихся художниковъ, и вообще казалось, что онъ избралъ спеціальною цѣлю жизни негласную благотворительность, нравственную и матеріальную“.

„Въ своихъ воззрѣнiяхъ на искусство, а также въ своей собственной художественной дѣятельности онъ стоялъ, разумѣется, въ сторонѣ отъ современныхъ теченiй и направленiй въ живописи и въ архитектурѣ и относился къ нимъ отрицательно. За то онъ себя выказалъ тонкимъ знатокомъ и горячимъ поклонникомъ великаго стариннаго искусства, въ особенности Итальянцевъ ранняго и болѣе поздняго Ренессанса, и онъ поручилъ молодому Русскому художнику списать для него копии съ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ картинъ этой эпохи и украсилъ ими свой домашнiй музей. Прямо трогательна была та радость, съ которой онъ принималъ всякую удавшуюся копию, которою обогащалъ свое прекрасное собранiе, и при этомъ проявлялось все чистое воодушевленiе его тонкой артистической природы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вовсе не былъ равнодушенъ или чуждъ къ явленiямъ современности на художественномъ и умственномъ поприщахъ, но слѣдилъ за ними всегда съ живымъ интересомъ и съ вѣрной оцѣнкой, будь это при постоянныхъ посѣщенiяхъ художественныхъ выставокъ или какъ неутомимый читатель современной Нѣмецкой, Французской и Русской литературы“.

„О себѣ самомъ, о своемъ богатомъ житейскомъ опытѣ, о результатахъ своей художественной дѣятельности, говорилъ онъ рѣдко, хотя часто имѣлъ-бы къ тому полное основанiе. О томъ, что у него на рукахъ скончался Вагнеръ въ Венеціанскомъ дворцѣ, о томъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ при художественной постановкѣ „Парсифала“ въ Байрейтѣ, что тамъ на почетномъ мѣстѣ висятъ превосходно имъ написанные портреты Вагнера и его семьи; о томъ, что онъ былъ творцемъ большаго памятника Александру II-му въ Московскомъ Кремлѣ, что теперь-же строится по его планамъ большая Русская церковь въ Римѣ на перекресткѣ улицы Тре Крочи *); о томъ, что онъ весьма часто и до послѣдняго времени являлся совѣтникомъ царей по художественнымъ вопросамъ: обо всемъ этомъ узнавалось со стороны, но только не изъ его устъ. И также о его неутомимыхъ работахъ послѣднихъ лѣтъ можно было узнать лишь случайно, увидавъ новое произведенiе на мольбертѣ въ его мастерской“.

Замѣтка эта не подписана, но авторъ ея повидимому одинъ изъ Нѣмецкихъ друзей покойнаго, болѣе знакомый съ его дѣятельностью среди Нѣмцевъ.

Въ этой замѣткѣ очень тепло и вѣрно отмѣчены, кромѣ художественнаго дарованiя Жуковскаго, его выдающаяся скромность, его безграничная доброта. Вотъ у него, дѣйствительно, „не вѣдала шуйца,

*) Любопытно, какъ распространилось это извѣстiе, къ сожалѣнiю ошибочное, равно и названiе улицы въ Римѣ несуществующей. X. B.

что творила десница“, и могу тому привести слѣдующій примѣръ. Не далѣе какъ въ Маѣ я встрѣтился во Флоренціи съ молодымъ, очень талантливымъ живописцемъ, Американцемъ Германскаго происхожденія, г. Карломъ Штраусомъ, и онъ, не подозрѣвая о моихъ отношеніяхъ къ Жуковскому, почти со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что если онъ кому обязанъ въ жизни, то только нѣкому Русскому Жуковскому, что *отецъ родной не могъ бы сдѣлать для него больше, чѣмъ этоъ Жуковский*, живущій въ Веймарѣ, что съ нимъ онъ въ перепискѣ и отъ него на дняхъ имѣлъ добрѣйшее письмо. Воображаю, какъ онъ теперь раздѣляетъ наше горе! Я тогда-же написалъ Павлу Васильевичу объ этой встрѣчѣ, но онъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ ко мнѣ (о чемъ будетъ ниже) ни разу не упомянулъ о Штраусѣ. Видно, что ему было непріятно, что я какъ бы приподнялъ завѣсу, скрывавшую его добрый поступокъ. А сколько такихъ было—извѣстно одному Богу!

Какъ-то въ разговорѣ со мною, лѣтъ шесть тому назадъ въ Москвѣ, онъ какъ-бы нечаянно проговорился, что ему здѣсь жить не по средствамъ, что *слишкомъ много къ нему приближающихся*, и потому съ глубокимъ сожалѣніемъ рѣшилъ перебраться въ болѣе дешевый и тихій Веймаръ. Несомнѣнно тяготился онъ также (какъ говоритъ г-нъ О. Г., авторъ некролога въ „Новомъ Времени“) созданною для него въ Кремлѣ синекурою, но должность его явилась синекурою не по его, Жуковскаго, винѣ, а вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, не позволявшихъ тратить деньги на художественные замыслы Жуковскаго (изъ которыхъ нѣкоторые были прелестны) при выполненіи почти неразрѣшимой задачи придать стариннаго Русскаго духа Тоновскому произведенію....

О томъ, какъ горячо любилъ онъ Москву, ея живописныя церкви, кривые переулки и особняки, какъ онъ съ нею сросся съ юныхъ лѣтъ, благодаря отцовскимъ связямъ, съ Елагиными, Кирѣевскими, Свербеевыми, скажетъ, надѣюсь, болѣе меня компетентный человекъ; мнѣ же хочется только упомянуть о нашей съ нимъ оживленнѣйшей перепискѣ въ послѣднее полугодіе его жизни.

Началась эта переписка по поводу кончины нашего, общаго съ нимъ, друга, такого-же какъ онъ художника-христіанина, барона Гаймюллера, а съ Апрѣля мѣсяца имѣла исключительно предметомъ проектъ постройки будущей Русской церкви въ Римѣ, вслѣдствіе моего сообщенія оттуда о предполагаемой тогда и съ тѣхъ поръ, кажется,

уже осуществившейся покупке тамъ весьма подходящаго участка земли подъ нашу церковь.

Павелъ Васильевичъ тотчасъ воспламенился этимъ замысломъ и въ письмѣ ко мнѣ отъ 21 Апрѣля (4 Мая) называетъ его „однимъ изъ самыхъ дорогихъ вождѣній своей старости“ („un des plus chers rêves de ma vieillesse“). Въ этомъ же письмѣ, писанномъ на 12 страницахъ, онъ выражаетъ убѣжденіе, что для Православнаго храма въ Римѣ требуется избрать типъ древней базилики первыхъ вѣковъ христіанства, Римскаго образца („une basilique aussi romaine que possible“) и предлагаетъ даже назвать базилику, на примѣръ, въ память Св. Григорія Великаго, Папы Римскаго, и во всякомъ случаѣ упомянуть въ ней всѣхъ тѣхъ Римскихъ святыхъ, которыхъ мы чтимъ наравнѣ съ католиками. „Пусть они увидятъ“, восклицаетъ онъ, „съ чьей стороны исходитъ роковое недоразумѣніе“ („Ils n'ont qu'à voir d'où vient le malentendu néfaste!“).

Такъ-какъ я придерживаюсь совершенно того же взгляда о желательности типа базилики для Православнаго храма въ Римѣ, взгляда тоже раздѣляемаго нѣсколькими мнѣ извѣстными авторитетными людьми, то между Жуковскимъ и мною загорѣлась переписка. Я ему посылалъ свои примитивные наброски, фотографіи, книги и пр., а онъ дѣлился со мною результатами своей работы и уже въ Юнѣ былъ такъ добръ, что прислалъ мнѣ на просмотръ прелестно составленные имъ акварельные виды и чертежи проектируемой имъ базилики, скромно прося моей критики. Я дѣйствительно предложилъ ему сдѣлать кое-какія измѣненія, онъ съ ними согласился и въ Юлѣ сталъ снова перечерчивать свой проектъ. Въ послѣднемъ полученномъ мною отъ него письмѣ отъ 15 (28) Юля онъ мнѣ пишетъ (уже по-русски), „что вышло по моему гораздо лучше перваго фасада“ и что „когда окончу пояснительные разрѣзы, пришлю вамъ все разомъ“. Я ему тотчасъ отвѣтилъ (21 Юля); но вотъ проходятъ недѣля, другая, третья, четвертая, я посылаю въ Веймаръ вопросительную о здоровьи телеграмму, на которую тоже отвѣта нѣтъ, а черезъ нѣсколько дней получаю отъ графа Бѣлевскаго телеграмму съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ его дяди, случившейся 13 (26) Августа! Онъ, какъ видно, умеръ за столь любезной его сердцу работой чертежей Римской базилики, которые, быть можетъ, не успѣлъ вполнѣ докончить! Но мнѣ кажется, что весьма немногаго недостаетъ въ этихъ чертежахъ, чтобы опытный архитекторъ не могъ въ нихъ разобраться. Точность и добросовѣтность въ исполненіи чертежей были у Жуковскаго прямо поразительныя.

Хочется вѣрить, что эти драгоценныя работы сохранились въ цѣлости и что со временемъ удастся ими воспользоваться для обработки проекта постройки и что, наконецъ, если Богъ позволить, увидить свѣтъ хоть въ главныхъ чертахъ послѣднее, любимое, дѣтище дорогаго, незабвеннаго, Павла Васильевича. Это было-бы по немъ наилучшею памятью и притомъ въ „вѣчномъ“ городѣ!

Подвигомъ добрымъ подвизавшемуся—вѣчная память!

Графъ Хрептовичъ-Бутеневъ.

Село Щорсы, Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, 3 Сентября 1912 года.

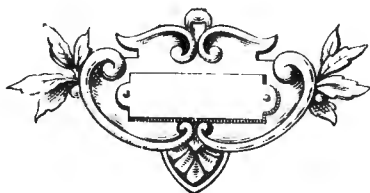
*

Павель Васильевичъ Жуковскій родился 1-го Января 1845 года во Франкфуртѣ на Майнѣ. Это—дитя столь дорогаго Русскому сердцу человѣка, добрыхъ дѣлъ котораго еще больше, чѣмъ произведеній его пера, остающихся на всегда украшеніемъ Русской словесности.

Въ первый разъ увидалъ я Павла Васильевича 15 Августа 1853 г., на Полянкѣ, въ домѣ Поземщикова, гдѣ поселилась его мать Елисавета Алексѣевна, дочь воина-художника Рейтерна *). Осмилѣтній мальчикъ и десятилѣтняя сестра его, Александра Васильевна (баронесса Вѣрманъ) уже говорили по русски, но конечно съ ошибками. Мать ихъ скончалась 21 Ноября 1856 года, и дѣти переѣхали въ Петербургъ къ дядѣ Рейтерну. Много позднѣе имѣлъ я счастье узнать Павла Васильевича. Было въ немъ что-то къ нему влекущее, и въ этомъ отношеніи онъ походилъ на императора Александра Третьяго.

Этихъ глазъ чистосердечье;
Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй..

П. Б.

*) Біографія Рейтерна въ „Русскомъ Архивѣ“.

ОБМОЛВКИ, НЕДОСМОТРЫ, ОШИБКИ.

Въ 7-ой книжкѣ 1912 г., въ статьѣ: *изъ Записокъ А. Е. Егорова*, на стр. 446, замѣчена крупная хронологическая ошибка. Авторъ говоритъ, что *въ 1858 году* онъ видѣлъ на сценѣ Московскаго Малаго театра комедію Сухово-Кобылина *Свадьба Кречинскаго*, въ которой роль дочери Муромскаго (Лидочки) исполняла Ѳедотова. Этого не могло быть, такъ какъ Г. Н. Ѳедотова (тогда Познякова) *первые* (будучи еще воспитанницей Театральнаго Училища) появилась на сценѣ 8 Января 1862 года въ пьесѣ П. Д. Боборыкина *Ребенокъ. Петръ Затольскій*. Н.-Новгородъ, 22 Августа 1912 г.

*

Въ 8-й книжкѣ въ оглавленіи пропущена статья П. Л. Юдина о Нижегородскомъ намѣстничествѣ.

Въ 9-й книжкѣ на стр. 160-й перепутаны имена Станкевичей и Стаховичей.

